

ПРОЕКТ GAP КАК КАТАЛИЗАТОР НАПРЯЖЕННОСТИ: ВЛИЯНИЕ ГИДРОСТРОИТЕЛЬСТВА ТУРЦИИ НА ВОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СИРИИ

Петросова Ольга Николаевна

Ташкентский государственный университет Востоковедения
старший преподаватель кафедры «История и антропология стран Востока»
petrosova.o@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется воздействие проекта Юго-Восточной Анатолии (GAP) на водную безопасность Сирии. Реализуемый Турцией с 1970-х годов, GAP включает строительство 22 плотин на Евфрате и Тигре, что позволяет Анкаре контролировать до 90% стока. На основе анализа гидрологических данных, правовых документов и экспертных оценок выявлено системное нарушение Турцией Протокола 1987 года, гарантировавшего Сирии 500 м³/с. Фактический приток воды сократился до 200-300 м³/с, уровень воды в сирийском водохранилище Эль-Асад упал на 5,5 метра, а дефицит аккумулированной воды превысил 4 млрд м³. Это привело к кризису гидроэнергетики, сокращению обрабатываемых земель на 37% и гуманитарному коллапсу в провинциях Алеппо, Ракка и Дейр-эз-Зор. Установлено, что сокращение стока используется Анкарой как инструмент давления на курдские автономные структуры, контролирующие 70% течения Евфрата в Сирии. Делается вывод, что GAP из проекта регионального развития трансформировался в механизм утверждения турецкой гидрогегемонии, блокирующий справедливое трансграничное водопользование и усугубляющий постконфликтное восстановление Сирии.

Ключевые слова: GAP, Юго-Восточная Анатолия, Турция, Сирия, Евфрат, трансграничные реки, водная безопасность, гидрополитика, плотина «Ататюрк».

ABSTRACT

The article examines the impact of the Southeastern Anatolia Project (GAP) on Syria's water security. Implemented by Turkey since the 1970s, GAP includes the construction of 22 dams on the Euphrates and Tigris rivers, enabling Ankara to control up to 90% of the river flow.

Based on an analysis of hydrological data, legal documents, and expert assessments, the study identifies Turkey's systematic violation of the 1987 Protocol, which guaranteed Syria a water flow of 500 m³/s. In reality, the inflow has decreased to 200–300 m³/s, the water level in Syria's Al-Assad reservoir has fallen by 5.5 meters, and the deficit of accumulated water has exceeded 4 billion m³.

This situation has led to a crisis in hydropower production, a 37% reduction in cultivated land, and a humanitarian collapse in the provinces of Aleppo, Raqqa, and Deir ez-Zor. The study finds that the reduction of water flow is being used by Ankara as an instrument of pressure on Kurdish autonomous structures that control 70% of the Euphrates' course in Syria.

The article concludes that GAP has transformed from a regional development project into a mechanism for asserting Turkish hydro-hegemony, obstructing equitable transboundary water use and exacerbating Syria's post-conflict recovery.

Keywords: *GAP, Southeastern Anatolia, Turkey, Syria, Euphrates, transboundary rivers, water security, hydropolitics, Atatürk Dam.*

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI века пресная вода окончательно закрепила за собой статус не только экологического и экономического, но и стратегического ресурса. Особую остроту водный вопрос приобретает в аридных регионах планеты, к числу которых относится Ближний Восток. Здесь, в бассейне рек Тигр и Евфрат, исторически сформировался сложный узел противоречий между тремя основными государствами-бенефициарами: Турцией (верховья), Сирией (среднее течение) и Ираком (низовья).

Анкара, контролирующая до 90 % стока Евфрата, с 1970-х годов реализует масштабный проект «Güneydoğu Anadolu Projesi» (GAP) — Юго-Восточной Анатолии. Изначально позиционировавшийся как комплексная программа социально-экономического развития отсталых регионов, проект превратился в главный фактор региональной нестабильности. Цель данной статьи — выявить корреляцию между этапами реализации гидротехнических сооружений GAP и эскалацией кризиса водной безопасности в Сирии, а также проанализировать трансформацию водного ресурса из объекта совместного пользования в инструмент внешней политики.

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При подготовке статьи был проведён комплексный анализ источников, которые можно разделить на четыре основные группы.

Первую группу составляют академические исследования, посвящённые геополитическим и гидрологическим аспектам проекта GAP. Работа О. Мемиша и М. Захарченко (2024) представляет собой фундаментальное исследование эволюции проекта и его влияния на международные отношения в Месопотамском регионе. Авторы детально рассматривают хронологию строительства плотин и приводят количественные показатели сокращения стока. Монография А. Габриеляна (2024) ценна анализом трансформации водной политики Турции из технической проблемы в элемент стратегического планирования. Исследование А. Рашидинежада с соавторами (2024) фокусируется на несовместимости национальных границ с гидрологическими бассейнами, что позволяет обосновать тезис об искусственном характере вододефицита.

Вторую группу представляют публицистические и экспертные материалы текущего характера. Статья А. Сингха в *The Times of India* (2025) вводит в научный оборот понятие «оружие воды» применительно к турецко-сирийскому конфликту. Репортаж ливанского издания *Al-Akhbar* (2025) содержит уникальные эмпирические данные об уровне воды в озере Эль-Асад и графиках отключения водоснабжения в сирийских городах, полученные от полевых корреспондентов. Материал портала *Topwar.ru* (2018) хотя и носит публицистический характер, содержит развёрнутую цитату С. Демиреля, являющуюся ключевой для понимания официальной турецкой доктрины.

Третью группу составляют работы по экономической истории проекта. Исследование Х.Х.Д. Аль Обайди (2011) подробно описывает социально-экономические параметры GAP и ожидания турецкого руководства от его реализации.

Четвёртую группу образуют правовые источники, прежде всего Протокол 1987 года между Турцией и Сирией, устанавливающий квоту в 500 м³/с. Анализ данного документа позволил выявить его институциональную слабость (отсутствие санкционных механизмов), что объясняет безнаказанность нарушений.

Методологическая основа работы базируется на синтезе нескольких научных подходов.

Институциональный анализ применён для изучения Протокола 1987 года и его имплементации. Выявлено, что отсутствие наднационального арбитража и санкционных процедур делает соглашение «мягким правом», неспособным сдерживать гидрогегемона.

Кейс-стади (case-study) как метод позволил сфокусироваться на конкретном примере — проекте GAP — и проследить его воздействие на водную безопасность конкретной страны (Сирии). Данный метод дал возможность уйти от генерализированных рассуждений о «водных войнах» к точным причинно-следственным связям.

Количественный анализ применён для обработки гидрологических данных. Сопоставлены показатели проектного расхода воды (500 м³/с) и фактического притока на территорию Сирии (200-300 м³/с). Выявлен дефицит аккумулированной воды в 4 млрд м³, что позволило квантифицировать ущерб.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проект Юго-Восточной Анатолии является одним из девяти крупнейших инженерных проектов мира. Его масштабность поражает: проект охватывает 10 % территории Турции (около 75 тыс. км²), где проживает более 9 % населения страны [7]. Технический каркас GAP включает строительство 22 плотин и 19 гидроэлектростанций на реках Евфрат и Тигр, а также создание разветвленной ирригационной сети [2].

Ядром проекта является плотина «Ататюрк» (1992 г.) — четвертая по величине каменно-насыпная плотина в мире [8]. Помимо неё, критическое значение для Сирии имеют плотины на Евфрате («Кебан», «Каракая»), а также завершённый в 2020 году комплекс «Илысу» на Тигре.

Турецкое руководство обосновывает необходимость GAP тремя группами аргументов [3;7]. Во-первых, это преодоление социально-экономического разрыва между развитым западом и депрессивным юго-востоком, населённым преимущественно курдами. Проект призван снизить уровень безработицы до 8,7% и создать 1,5 млн рабочих мест [7]. Во-вторых, это достижение энергетической независимости: гидроэнергия дешевле генерации на углеводородах. В-третьих, Турция видит себя «житницей Ближнего Востока», стремясь нарастить экспорт агропродукции в арабские страны (объёмом до 50 млрд долл.) [3].

Однако за этими амбициозными планами скрывается обратная сторона: суммарно GAP «отнимает» у стока Евфрата и Тигра до 25% водотока, что для стран нижнего течения равносильно искусственной засухе.

Центральным элементом турецко-сирийских противоречий является непримиримая позиция Анкары в отношении правового статуса рек. Анкара последовательно отвергает квалификацию Евфрата и Тигра как «международных» водотоков, настаивая на термине «трансграничные». Турецкая доктрина исходит из того, что, поскольку реки берут начало на ее территории, они являются ее «национальным ресурсом».

Наиболее цинично эта позиция была сформулирована премьер-министром Сулейманом Демирелем на открытии плотины «Ататюрк» в 1992 г.: «Вода, которая течет в Турцию из Тигра и Евфрата и их притоков, — турецкая. Мы же не говорим Сирии и Ираку, чтобы они делились своей нефтью. Они тоже не имеют права требовать от нас делиться водными ресурсами» [8].

Единственным юридически обязывающим документом остается Протокол 1987 года, согласно которому Турция обязалась обеспечивать пропуск воды на сирийскую границу в объеме 500 м³/с [9]. Данный протокол, зарегистрированный в ООН в 1994 г., устанавливал квоту для Сирии в 42% от общего расхода. Однако механизмов контроля за исполнением и санкций за нарушение документ не предусматривал, что сделало его фактически декларацией о намерениях.

Анализ актуальных данных, приведенных в экспертных докладах, свидетельствует о системном характере нарушений Турцией согласованных параметров водodelения [5; 6; 13].

Начиная с 2011 года, Турция неоднократно снижала объем сброса воды. На сегодняшний день приток Евфрата на территорию Сирии составляет менее 200-300 м³/с, что менее половины квоты, установленной 35 лет назад [6]. В летнюю межень дефицит достигает критических отметок. Эксперты отмечают, что, располагая гигантскими резервуарами (водохранилища ГЭС «Ататюрк»), Турция имеет техническую возможность регулировать сток, но использует её для создания управляемого дефицита [2; 11].

Снижение притока привело к катастрофическому падению уровня воды в озере Эль-Асад — главном водохранилище Сирии, образованном плотиной Табка. Уровень воды упал на 5,5 метра ниже нормального, а дефицит аккумулированной воды превысил 4 млрд м³ [6]. Это поставило под угрозу полной остановки Евфратскую ГЭС, а также ГЭС «Тишрин» и «Баас». Следствием стали веерные отключения электричества в провинциях Алеппо, Ракка и Дейр-эз-Зор продолжительностью более месяца.

Сельскохозяйственный сектор, обеспечивающий занятость большинства населения долины Евфрата, находится в состоянии коллапса. Согласно отчету

Управления сельского хозяйства Автономной администрации, площадь обрабатываемых земель сократилась на 37% за один сезон[12]. Происходит забрасывание полей, засоление почв и утрата традиционных культур (хлопок, овощи). Данная ситуация провоцирует вынужденную миграцию с берегов Евфрата, что чревато необратимыми демографическими изменениями.

Дефицит воды напрямую транслируется в дефицит питьевой воды. В городах Ракка, Алеппо и Дейр-эз-Зор введены жесткие графики водоснабжения. Сложившаяся ситуация усугубляет гуманитарный кризис в стране, экономика которой уже разрушена десятилетием войны.

Анализ событий 2024–2025 гг. демонстрирует парадоксальную закономерность: улучшение двусторонних турецко-сирийских отношений не приводит к восстановлению водного баланса. После смены политической власти в Дамаске и прихода к власти сил, поддерживаемых Анкарой, ожидалось, что «водный вентиль» будет открыт. Однако этого не произошло.

Ключевым объяснением данного феномена является контроль Сирийских демократических сил (SDF) над более чем 70% течения Евфрата в пределах Сирии [5]. Турецкое руководство рассматривает SDF как ответвление Рабочей партии Курдистана (РПК). Сознательное сокращение стока преследует двоякую цель:

1. Экономическое удушение курдских автономных структур, лишение их доходов от продажи электроэнергии и сельского хозяйства.

2. Создание социальной напряженности в регионах проживания курдов с целью спровоцировать исход населения и изменить демографический баланс.

Таким образом, вода становится не просто экономическим, а военно-политическим инструментом «гидрогегемона» (концепция, введенная Дж. Алланом [1]). Ресурс, который должен служить основой для сотрудничества, используется для наказания и принуждения.

Официальная Анкара последовательно продвигает версию о том, что снижение стока является следствием исключительно климатических изменений: уменьшения количества осадков, малоснежных зим и глобального потепления [3]. Однако данная позиция опровергается техническими специалистами. Геолог Азиз Микаэль, бывший заместитель директора службы водных ресурсов провинции Хасеке, прямо заявляет: «Турция контролирует поток реки благодаря огромным резервам, которые она держит в плотинах. Это дает ей возможность повышать или понижать подачу воды, когда она пожелает, исходя из собственных интересов» [11].

Следовательно, климатический фактор выступает лишь ширмой, призванной легитимизировать односторонние действия Турции и уйти от ответственности по международному праву.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе проведенного анализа были получены следующие результаты, систематизированные по ключевым направлениям воздействия проекта GAP на водную безопасность Сирии.

1. Установлено, что реализация проекта GAP привела к необратимым изменениям гидрологического режима Евфрата в его сирийском течении [2; 4]. Суммарное сокращение стока за период активного наполнения водохранилищ составило 25% от естественного объема [2]. Критическим результатом стало падение среднегодового притока ниже минимально допустимого порога в 300 м³/с, что делает невозможным устойчивое функционирование водозаборных сооружений сирийской инфраструктуры в течение 6-8 месяцев в году [6]. Выявлена прямая корреляция между этапами заполнения турецких водохранилищ и периодами экстремально низкого стока в Сирии (коэффициент корреляции Пирсона составил 0,87) [3].

2. Зафиксировано катастрофическое падение выработки электроэнергии на сирийских ГЭС каскада Евфрата. Суммарные потери генерации за период 2020-2025 гг. оцениваются в 12-15 млрд кВт·ч [5]. Установлено, что ГЭС «Табка» функционирует на 35% проектной мощности, а ГЭС «Тишрин» и «Баас» периодически полностью останавливаются в летний период [6]. Дефицит аккумулированной воды в озере Эль-Асад (4 млрд м³) эквивалентен потере стратегического резерва, предназначенного для компенсации маловодных лет [13].

3. Выявлено, что сокращение доступных водных ресурсов привело к деградации ирригационной системы на востоке Сирии. Площадь фактически орошаемых земель в бассейне Евфрата сократилась на 37% (с 640 тыс. га до 403 тыс. га) [12]. Установлено, что основными потерянными культурами являются хлопчатник (снижение посевов на 52%) и овощные культуры (снижение на 41%) [12]. Зафиксировано начало процессов засоления почв на 15% орошаемых площадей вследствие вынужденного использования минерализованных грунтовых вод при недостатке речной воды [13].

4. Установлено, что водный кризис спровоцировал вторичные миграционные процессы. Оценочно, около 180 тыс. человек покинули районы, прилегающие к Евфрату (провинции Ракка и Дейр-эз-Зор) за 2023-2025 гг. в

связи с невозможностью ведения сельского хозяйства и отсутствием водоснабжения [5]. В городах Алеппо, Ракка и Хасеке введены принудительные графики подачи воды, что создаёт угрозу санитарно-эпидемиологической безопасности.

5. Доказано, что водная политика Турции в рамках GAP носит избирательный характер и инструментализирована в контексте курдского вопроса. Контроль SDF над 70% течения Евфрата в Сирии превратил водный ресурс в рычаг давления на курдские автономии. Выявлен парадокс: политическое сближение Анкары и Дамаска (после 2024 г.) не привело к восстановлению водоотдачи, поскольку целью Турции является ослабление именно курдских структур, а не сирийского государства как такового.

6. Установлено, что Протокол 1987 года де-факто утратил силу ввиду отсутствия механизмов принуждения [9; 14]. Турция систематически нарушает согласованный лимит в 500 м³/с, при этом не неся никакой международно-правовой ответственности [3]. Отсутствие ратифицированного трехстороннего соглашения о квотах водозабора создаёт правовой вакуум, в котором государство верховья (Турция) действует исключительно в одностороннем порядке, руководствуясь доктриной «национального суверенитета» над трансграничными водами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет утверждать, что проект Юго-Восточной Анатолии (GAP) вышел далеко за первоначальные рамки программы регионального развития и трансформировался в определяющий фактор дестабилизации водной безопасности Сирийской Арабской Республики. Масштаб воздействия турецкого гидростроительства приобрел системный характер, оказывая деструктивное влияние на гидрологический режим, энергетический потенциал, аграрный сектор и социальную стабильность сопредельного государства.

Таким образом, проект GAP, задуманный как инструмент преодоления отсталости турецкого юго-востока, превратился в механизм утверждения региональной гегемонии, оплачиваемый ценой деградации жизнеобеспечивающих систем соседней Сирии. Водная блокада сирийского Евфрата — это выстрел, который пока звучит в гидравлическом, а не в пороховом измерении, но социально-экономические разрушения, которые он производит, сопоставимы с последствиями полномасштабных военных кампаний. Преодоление этого кризиса потребует не только двусторонней воли,

но и фундаментального пересмотра принципов управления трансграничными водными ресурсами на Ближнем Востоке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Allan, J.A. The Middle East Water Question: Hydropolitics and the Global Economy / J.A. Allan. – London: I.B. Tauris, 2001. – 382 p.
2. Memish, O. Southeast Anatolia project (guneydogu Anadolu projesi) and its impact on international relations in the Mesopotamia region (the end of the 20th – the beginning of the 21st century) / O. Memish, M. Zakharchenko // *Skhidnoievropeiskiyi Istorychnyi Visnyk*. – 2024. – Т. 32. – С. 122-130.
3. Gabrielyan, H. Turkey's Water Policy as Part of the Political Strategy: The Evolution of Turkey's Water Policy / H. Gabrielyan. – 1st ed. – Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2024. – 403 p.
4. Rashidinejad, A. The position of the Tigris and Euphrates rivers is in the least compatible with national borders / A. Rashidinejad, M. Kaviani Rad, M. Mottaqi // *Applied researches in Geographical Sciences*. – 2024. – Vol. 24, № 75. – P. 89-104.
5. Singh, A. Turkey's weaponisation of water: A geopolitical tool in the Tigris-Euphrates basin / A. Singh // *The Times of India Blogs*. – 2025. – 19 October. [Электронный ресурс]. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs> (дата обращения: 10.02.2026).
6. Turkey Tightens the Tap: Syria Left Thirsty as Euphrates Levels Drop // *Al-Akhbar*. – 2025. – 13 May. [Электронный ресурс]. – URL: <https://english.al-akhbar.com> (дата обращения: 10.02.2026).
7. Аль Обайди Халид Хасун Джасим. Проект Юго-Восточной Анатолии и перспективы экономического развития Турции / Аль Обайди Халид Хасун Джасим // *Преподаватель XXI век*. – 2011. – № 2. – С. 214-217.
8. Если в кране нет воды, значит, выпили турки // *Военное обозрение (Topwar.ru)*. – 2018. – 15 августа. [Электронный ресурс]. – URL: <https://topwar.ru/145422-esli-v-krane-net-vody-znachit-vypili-turki.html> (дата обращения: 12.02.2026).
9. Протокол о сотрудничестве в сфере экономики и безопасности между Турецкой Республикой и Сирийской Арабской Республикой от 17 июля 1987 г. // *United Nations Treaty Series*. – 1994. – Vol. 1736. – P. 117-125.
10. Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml

11. Микаэль, А. Интервью о ситуации с водоснабжением в провинции Хасеке / А. Микаэль // Al-Monitor. – 2024. – 12 марта. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.al-monitor.com> (дата обращения: 03.03.2026).

12. Отчет Управления сельского хозяйства Автономной администрации Северной и Восточной Сирии о состоянии посевных площадей в бассейне Евфрата за 2024 год. – Ракка: Изд-во Автономной администрации, 2025. – 45 с.

13. Water, Peace and Security (WPS) Partnership. Euphrates-Tigris River Basin: Conflict Risk Brief / WPS. – The Hague: WPS, 2024. – 18 p.

14. Daoudy, M. The Water Divide between Syria, Turkey and Iraq: Negotiation, Security and Power Asymmetry / M. Daoudy. – Paris: CNRS Editions, 2005. – 320 p.

15. Kibaroglu, A. Turkey's Water Policy: National Frameworks and International Cooperation / A. Kibaroglu, W. Scheumann. – Berlin: Springer, 2011. – 276 p.